

ЭРИК ПОЛАДОВ

Секс бывает без последствий...
но не для людей

ВЕНЕРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗЕМЛЯН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эрик Поладов

**Венерические
приключения землян**

«Автор»

2026

Поладов Э. М.

Венерические приключения землян / Э. М. Поладов — «Автор»,
2026

<p>Если бы Библию написал Маркиз де Сад, то начиналась бы она со слов В начале был СЕКС! Как много в этом слове. Для кого-то это путь к экстазу, а для кого-то источник бед. В каждой из представленных историй поднимаются такие сложные социальные явления как любовь, смерть, ложь, генная инженерия, нравственность, закон и порядок, сквернословие, роботизация, эксгибиционизм и дестабилизация на рынке труда. Хотите верьте, хотите нет, но всё это имеет прямую связь с сексом и венерологией.</p>

© Поладов Э. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Я ТЕБЯ ТРАХНУ!	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Венерические приключения землян

Я ТЕБЯ ТРАХНУ!

Галактический сифилис

На высоте свыше двух тысяч метров над уровнем моря в Антарктиде обнаружен объект искусственного происхождения, о чём свидетельствовали геометрически правильные контуры. Объект был обнаружен в скале, в которой застряла почти половина всего корпуса. Погрузиться в скальную породу, проделав такую глубокую брешь, по мнению инженеров можно было только в результате движения на огромной скорости, откуда членами научно-исследовательской экспедиции было выдвинуто предположение, что перед ними не что иное, как летательный аппарат. После того, как находку удалось извлечь из скалы, было обнаружено, что объект имеет идеально ровную дискообразную форму. Размеры достигали тринадцати с половиной метров в диаметре и двухсот девяноста сантиметров толщины в центре, в то время как по мере сближения с краями толщина сокращалась.

Было принято решение о транспортировке находки на ближайшую норвежскую научно-исследовательскую базу в районе Земли Королевы Мод. А до тех пор, пока прибудет транспорт со всем необходимым оборудованием, группа учёных исследовала объект на месте. Для этого недалеко от места члены научно-исследовательской группы развернули небольшой лагерь с палатками. Имея в наличии кое-что из переносного оборудования, они начали поверхностное изучение.

Объект оказался чрезвычайно прочным, о чём свидетельствовало отсутствие каких-либо повреждений после изъятия находки из скалы. Также стало известно, что все материалы, из которых сделан объект, отсутствуют в периодической таблице за исключением двух. Идентифицировать удалось небольшие следы таких веществ, как цезий и сиборгий.

На третий день работ температура заметно поднялась и ртутный столбик на термометре достиг отметки в ноль градусов по Цельсию. Это чувствовалось особенно сильно после того, как весь предыдущий месяц температура не поднималась выше минус двенадцати. Когда инженер-конструктор доктор Рудольф Кан фиксировал физические параметры объекта для дальнейшего создания трёхмерной компьютерной модели, раздался короткий громкий звук, похожий на сигнальную сирену, а затем из краёв корпуса по всему периметру объекта хлынул мощный напор какого-то газообразного вещества, с виду похожего на густой дым. Под сумасшедшим давлением газа доктора Кана отбросило в сторону. Он пролетел несколько метров перед тем, как приземлился на спрессованный вездеходом снег. Бросив все дела, к нему поспешили все члены исследовательской группы. С помощью коллег доктор Кан слегка приподнялся, приняв полусидящее положение. Он был оглушён звуком и ничего не слышал вокруг, лишь видя безмолвныедвигающиеся рты коллег. В ушах стоял звон, как после громкого взрыва. Вдруг Рудольф нащупал оставленный газом кислый привкус во рту, а затем он обратил внимание на то, как лёгкие наполнило странное чувство, похожее на то, что возникает, когда хочется откашляться. Остальные члены исследовательской группы испытали те же самые ощущения под воздействием сумасшедшего напора неизвестного газа, который вдруг резко оборвался. Когда обстановка улеглась, было принято решение отложить работы до того момента, пока объект не будет транспортирован на научно-исследовательскую базу и не будет построен павильон со всеми необходимыми условиями в соответствии с техникой безопасности.

Ближе ко сну слух начал возвращаться, но вот только домой Рудольф Кан возвращался уже совсем не тем человеком, каким уезжал в далёкие края Антарктики.

Мутация 1: клянусь говорить правду и только правду

Одним из членов научно-исследовательской группы в Антарктиде был Карл Грин. После трёхмесячного отсутствия он с невероятным удовольствием спускался по трапу в аэропорту Хитроу, вдыхая тёплый весенний воздух. Карл испытывал огромное блаженство, наблюдая через окно такси за мелькающими витринами магазинов и ресторанов, фонарные столбы, рекламные вывески и толпы людей. Наконец-таки он вернулся к цивилизации. Это было непередаваемое чувство. Прежде ему не доводилось покидать городскую обстановку на столь длительный срок.

Но как бы там ни было, не всё было так приятно и беззаботно. Одна деталь всё ещё не давала покоя Карлу. Во время сдачи анализа крови сразу после инцидента с инопланетным объектом все члены экспедиции были помещены на карантин. Почти две недели к ним никто не прилетал за исключением вертолёт, который сбрасывал груз с провиантом и предметами первой необходимости. Форрест Мэлоун – штатный врач – выявил под микроскопом в крови каждого незнакомый микроорганизм, которого не наблюдалось ещё тремя сутками ранее, когда члены экспедиции также сдавали кровь. Однако интересно было то, что присутствие постороннего микроба никак не сказывалось на самочувствии членов исследовательской группы. После прибытия на базу учёные прошли более тщательное исследование, которое также не выявило никаких отклонений. Но по роду своего занятия Карл испытывал необыденный интерес к этому микроорганизму. Являясь биологом с многолетним опытом, он намеревался изучить образцы своей крови более тщательно, чем он непременно намерен заняться на следующий день, когда вернётся в институт. А пока ему предстояла долгожданная встреча с женой и детьми.

Перешагнув через порог, Карл крикнул:

– Папочка дома!

Отцовский голос сменился громким топотом, который создавали двенадцатилетняя Ванесса и девятилетняя Мина. Они крепко обняли отца за шею, потом какое-то время ещё повисели, а после пришёл черёд жены. На вопрос дочерей о том, что он привёз, Карл с ходу ответил:

– Гору грязного белья. Простите девочки, но обещаю, что завтра мы сходим в кино. Или в зоопарк. А хотя нет, завтра не получится. Хотя если будет поздний сеанс, то может быть и завтра.

– Нет! – хором крикнули девочки, после чего обе принялись прыгать на носочках, хватая Карла за обе руки, а Ванесса выдвинула требования:

– Хотим на Уэмбли!

– А что на Уэмбли?

– Шоу иллюзионистов! На этих выходных!

Ответ Карла не заставил себя ждать:

– Посмотрим. Не обещаю.

– Пожалуйста!!! – хором прокричали девочки.

– Не думаю, что билеты остались.

– Я забронировала четыре штуки! – предвкушая триумф в переговорах, сказала Мина, всё также бросая взгляд снизу.

– Ну в принципе, нам дали нехилое жалование в этот раз, так что можем и сходить, если только не буду занят к тому времени.

– А ты освободись! – в настойчивой манере потребовала Ванесса, топнув обеими ногами по полу.

Тут за девочек вступилась Эмма, обращаясь к мужу в игривой манере:

– Дорогой, тебя не было три месяца. Прострафился, будь добр возместить своё отсутствие.

Глава семейства почесал в затылке и сказал:

– Давай так, если я не успею, то вы с девочками сходите втроём, ну или подцепите с собой кого-нибудь вместо меня.

От такого ответа у Эммы отвалилась челюсть. Что-что, а такого она никак не ожидала услышать. Она выпрямилась, стёрла со своего лица улыбку и теперь её голос звучал вполне серьёзно:

– Девочки, идите к себе.

Ванесса с Миной удалились с недовольными лицами. Теперь Эмма положила правую руку на бок и её голос стал звучать заметно громче:

– Я не поняла, тебе что, трудно сходить с детьми на шоу? Они не видели тебя три чёртовых месяца, дни считали, а теперь, когда они прыгают от счастья, ты их культурно посылаешь?

Голос Карла звучал спокойно, будто такие разговоры проходили каждый день и сложившаяся ситуация не является чем-то экстраординарным.

– Я же сказал, что если успею, то схожу вместе с вами.

– Если успеешь что?! – теперь Эмма обратилась с откровенным наездом.

– Сделать кое-какую работу. Эмма, ну честно слово, что за странные вопросы. – Карл проследовал в квартиру, бросив сумку в сторону и продолжил говорить, двигаясь к холодильнику: – Можно подумать, ты не знаешь, чем твой муж занимается. Надо провести кое-какие исследования.

– Поверить не могу.

И Эмма действительно не могла поверить. Раньше Карл никогда не разговаривал с детьми в такой манере. Если было нужно, то он мог сказать, что «да, пойдём» или «ну конечно сходим», даже если он знал, что скорее всего не сможет сдержать своё обещание, он всё равно говорил детям то, что они хотели услышать. Что случилось с Карлом и почему он так резко отвечает девочкам прямо с порога, жена не понимала.

Чем дальше, тем больше давления на мужа старалась оказывать Эмма, но поведение Карла оставалось невозмутимым, и это всё больше бесило её. Но как бы там ни было, ссоры ссорами, а сексуальные потребности за два месяца никуда не делись, так что ночью в спальне было шумно и трение тел казалось запредельным. После того, как оба взмокли и обессиленные лежали с учащённым пульсом и глубокими вздохами, Карл вдруг заговорил:

– Знаешь, я тут вспомнил кое о чём.

В ответ Эмма лишь изобразила гримасу недопонимания. Карл тем временем продолжил мысль:

– Где-то на второй месяц после нашей свадьбы, когда мы ездили в Мадрид, в одну из ночей во время секса я представлял, что занимаюсь этим не с тобой.

– Да? А с кем же? – со сбитым дыханием проронила Эмма.

– Я представил, будто трахаюсь с пышногрудой азиатской иммигранткой.

После того, как Эмма слегка покопалась в своей памяти, она стала что-то припоминать и спросила:

– Подожди. Это когда ты просил меня кричать: «Я люблю мистер Грин. Мистер Грин рвать мой щель»?

– Всё-таки помнишь.

– Ага, ещё бы такое забыть. Я чуть не охренела от такой просьбы. А ты чё это вдруг вспомнил? – с очевидным подозрением спросила Эмма.

– Ты не держишь на меня зла?

От таких слов Эмма оказалась в замешательстве. Она устремила взгляд куда-то в потолок и долго думая, не могла понять, как на это реагировать.

– Так, а я тебя, что, в тот момент не возбуждала?

– О, ещё и как – удовлетворённо ответил Карл. – Просто в тот день в холле среди постояльцев я увидел пышногрудую женщину азиатской внешности и как-то завёлся. Ну а про иммигрантку уже плод фантазии. Так что, ты как, не в обиде?

Эмма окончательно запуталась и не понимала как на это реагировать. Прежде всего она ломала голову над тем, почему её мужу вдруг взбрело в голову вспомнить об этом спустя столько времени. И вообще поведение Карла ей казалось каким-то ненормальным. Он начал говорить всё в лоб. Даже к детям отнёсся с вопиющим холодом.

– Ну... я... я не знаю, что сказать. С одной стороны, вроде как обидно, но и в то же время ты довёл меня до оргазма. Так что я... я не знаю, что думать.

– Ты испытала оргазм?

– Ну да.

– О да! Я тогда тоже мощно кончил – ещё более восторженно почти прокричал Карл.

– А я-то думала, чего это он у тебя такой твёрдый и двигается быстрее чем обычно – ошолобенным тоном добавила Эмма. Этот разговор её озадачил настолько, что она даже забыла про девочек и шоу иллюзионистов.

На утро Эмма пораньше приготовила завтрак и, в спешке выходя из дома, сказала:

– Дорогой, отвезёшь девочек в школу. Я тороплюсь.

– Что-то случилось? – озадаченно спросил Карл, пережёвывая во рту пончик.

– Да так, надо заехать в один магазин, а то после работы я не успеваю. Уже две недели как заказала световой микроскоп к твоему дню рождения. Надо будет ещё отвезти его, чтобы упаковали в подарочную обёртку.

Уже переступая порог, Эмма добавила:

– Под утро тебе звонила эта стерва. Я думала, что ты послал её после нашего разговора. Так вот запомни, если твой агрегат опять нырнёт в какую-нибудь другую щель кроме моей, то я твой акваланг вырву нахрен вместе с корнем.

– Прости любимая. Попробую послать её ещё раз.

В течение дня Эмма не могла понять, что происходит. Утренний разговор с мужем она восприняла как то, что рано или поздно всё равно произошло бы, разве что за исключением того, что касалось подарка. Только вот когда на работе коллега попросила её высказать мнение о своём новом кольце, Эмма сказала, что металл слишком тёмный для золота, а камень на кольце скорее похож на аквамарин, а не на синий сапфир. На вопрос начальника о том, что с доставкой комплектующих для конвейера, Эмма ответила вполне спокойно:

– Мне сейчас некогда. Займусь этим через пару часов, а как узнаю, постараюсь сообщить вам, если из головы не вылетит.

Начальство, разумеется, охренело от такого поворота событий. Но громкие и публичные замечания Эмму совсем не задели. Она практически пропустила это мимо ушей, а когда начальник выпустил весь пар, она всё же решила оставить все дела и постараться удовлетворить его прихоть. Через силу.

Едва Форрест Мэлоун вернулся из экспедиции, где проработал штатным врачом, как тут же навел свою любовницу, благо он всё ещё оставался холостяком и имел на это законное право. Любовницу звали Мэнди Харпер. Ей было тридцать четыре года, она работала секретаршей в одном из местных инвестиционных банков. Нрав у неё был вольный и обязанной кому-либо она себя не считала. Это наглядно отражал тот факт, что с Форрестом она спала, потому что с ним она испытывала феерический экстаз, а со своим шефом она делала это ради внушительных премиальных выплат, минуя декларацию о доходах. В молодости Мэнди, конечно, верила в любовь с первого взгляда и до гроба, но на третий месяц замужества поняла, что семейная жизнь не для неё. С тех пор она шла по жизненному пути с девизом: «автономность прежде всего». Последнее свидание с Форрестом стало для Мэнди весьма необычным. Во-пер-

вых, на этот раз она не просто потрахалась как следует, поскольку после долгого воздержания на Южном полюсе Форрест превратился в сексуальное животное с огромными накоплениями сдерживаемой энергии, которую нужно было срочно выплеснуть и для этого понадобилось аж восемь заходов. Во-вторых, Форрест признался, что у неё почти что идеальная грудь, если бы не лишняя родинка с боку на правой половине, её задница имеет идеально круглые очертания, но слегка просела за последний год, а разрез глаз выглядит таким, будто у неё в роду есть кто-то из азиатов. Но больше всего она удивилась, когда спросила у Форреста о том, какие у него планы на ближайшее будущее, на что он ответил:

– На выходные надо съездить в Бостон. Одна сучка угрожает.

– Это чем же? – эти слова Мэнди произнесла с некоторой тревогой.

– Типа она пару лет назад родила от меня. Хотя если честно, я с ней столько трахался без предохранителей, что не удивлюсь, даже если она родила двойню. Если окажется, что правда, то придётся что-то делать. Или стерилизоваться, или на всю жизнь сделать ощущения неполными.

– Так ты не хочешь становиться отцом? – толкая плечом лёжа в постели, спросила Мэнди. Форрест искоса посмотрел на неё, а затем ответил:

– Тебе ли меня не понять.

В ответ Мэнди лишь улыбнулась и подумала о том, как же хорошо, что она лишила себя этого опасения ещё в прошлом году. Она подумала об этом вслух, в ответ на что Форрест сказал:

– Ну и правильно. Теперь можешь вообще не забивать голову лишними мыслями.

Затем вдруг Мэнди спросила, докуривая сигарету:

– А давно она тебе сказала про ребёнка?

– Уже полгода.

– А чего ты мне не рассказывал?

– Да так, что-то к слову не приходилось.

– А кто-нибудь ещё знает об этом?

Форрест слегка напряг память и стал перечислять:

– Ну да. Мужики, с которыми я работал в Антарктике, после возвращения домой узнали четыре соседа, на работе человек пятнадцать и ещё кое-кто из тех, с кем я созванивался с тех пор, как вернулся из экспедиции. Теперь и ты.

Через несколько секунд безмолвия Форрест добавил:

– Ну, может ещё и в сети пост выложу.

С той ночи прошло двенадцать дней, по истечении которых Мэнди вышла на работу после отпуска. Всё это время она замечала за собой некоторые странности, а если быть точнее, то она стала как-то легко рассказывать каждому встречному о самых шепетильных эпизодах из своей жизни. Но ей это казалось нормой, а именно, что такие вещи несколько не должны выходить за рамки дозволенного и подобные страницы найдутся в биографии каждого, хотя большинство людей едва ли согласятся с тем, что каждая девушка на выпускном танцевала вокруг шеста с надписью над лобком: «ОТКРЫТО КРУГЛОСУТОЧНО».

В тот день Роберт Хокс вышел к подчинённым в операционный зал, попросил секунду внимания и, дождавшись, когда все голоса и телефонные звонки умолкнут, как ни в чём не бывало объявил:

– Каждый из вас должен знать кое-что. Прежде всего это касается тех, кто просиживает жопу намного больше, чем позволено. Короче говоря, к концу года в компании будет сокращено от пятнадцати до двадцати пяти процентов основного персонала. Спасибо за внимание. Можете возвращаться к работе.

За полчаса до этого.

До полудня у шефа всё время то кто-то был на приёме, то с ним кто-то переговаривал по телефону, то ещё что-то. Но как только он освободился, то тут же вызвал к себе секретаршу. Мэнди вошла в кабинет управляющего Роберта Хокса. Ему было сорок четыре. Стрижкой под ноль он старался замаскировать две проблемы: раннее облысение и преждевременную седину. В отличие от большинства офисных работников Роберт никогда не брил щетину до конца, оставляя небольшую длину, чтобы не столь сильно выделялись родинки на подбородке. Он всегда носил одинаковые костюмы чёрного цвета одного и того же оттенка и классические туфли. Пиджак Роберта всё время висел на спинке рабочего кресла, а рукава на белой рубашке были закатаны. На Мэнди в тот день были надеты белоснежная блузка и стильная чёрная юбка не совсем офисного типажа. Расстёгивать блузку дальше первой пуговицы ей запрещал босс, так как опасался, как бы его личную секретаршу не начал трахать кто-нибудь ещё среди персонала, ведь ещё хотя бы одна пуговица и щель меж грудей всплывёт на всеобщее обозрение.

Вот уже с начала года Роберт с напряжением думает о том, что наступит день, когда ему всё же придётся найти в себе силы и выйти к сотрудникам, чтобы сообщить о том, что многие из них могут становиться в очередь на бирже труда. Эти мысли с каждым днём становились всё более сильным бременем для его совести.

В тишине по кабинету стали разноситься звуки неторопливых шагов, которые исходили от каждого из каблучков Мэнди, соприкасающегося с паркетом, пока она шла к столу начальника. Не отрывая глаз от бумаг, Роберт сказал:

– Персик мой, мне кажется, что ты была в отпуске дольше положенного, потому что мои бубенцы вот-вот взорвутся.

Он поднял глаза на секретаршу, которая несмотря на то, что была ещё в пути, уже расстёгивала четвёртую пуговицу, а на её лице просматривалась коварная улыбка, что жутко заводило Роберта. Но не успел он подорваться с кресла, как Мэнди ускорила шаг и резко села на него. Расположившись на паху шефа, она слегка подвигала ягодицами, а затем приблизила губы к его уху и прошептала:

– Знаешь, я уже давно хочу попробовать шестьдесят девятую прямо здесь, на кресле: ты посидишь, а я перевернусь.

– Оу – возбуждённо почти завыл Роберт, уткнувшись глазами в полуобнажённые буфера секретарши. – А что у нас будет потом?

Мэнди продолжила шептать возбуждающим голосом:

– А потом я заберусь на твой стол, встану на четвереньки, и ты меня заставишь кричать.

Облизнув ухо боссу, Мэнди окончательно нарушила его самоконтроль, и Роберт в спешке начал снимать с неё одежду.

Выходя за порог, Мэнди продолжала приводить в порядок слегка потрёпанную причёску, как вдруг заметила, что юбка на ней немного перекосилась и начала поправлять её. Следом из своего кабинета выходил Роберт. Он вошёл в операционный зал и громко произнёс:

– Каждый из вас должен знать кое-что. Прежде всего это касается тех, кто просиживает жопу намного больше, чем позволено. Короче говоря, к концу года в компании будет сокращено от пятнадцати до двадцати пяти процентов основного персонала. Спасибо за внимание. Можете возвращаться к работе.

В этот момент Роберт подумал, что произнести эти слова не так уж трудно, как ему всё время казалось. Поздно вечером перед самым сном он продолжал спорить с женой, как она обвинила его в том, что он пялился на грудь её сестры, когда та с мужем были в гостях часом ранее. Ложась спать, Роберт сказал:

– Знаешь дорогая, ты абсолютно права. Твои обвинения не имеют под собой никаких оснований.

– Я видела, куда смотрели твои ненасытные очи, так что нечего мне заливать про необоснованные обвинения.

– Да нет же – продолжал настаивать Роберт, – мне нет смысла смотреть на её грудь, потому что у моей секретарши сиськи в два раза крупнее, и между прочим они будут поинтереснее, потому что на них я могу не просто смотреть, но и облапать как следует. Так сказать, ухватится за это вымя.

Шёл тридцать девятый день после завершения антарктической экспедиции. По просьбе биолога Карла Грина некоторые участники экспедиции оказали содействие в проведении исследований касательно случившегося на Южном полюсе. Систематические наблюдения за женой, любовницей и любовником любовницы навели Карла на определённые соображения. Но чтобы проверить свои догадки, он попросил нескольких своих коллег вступить в половой контакт с одной женщиной и обратить внимание на перемены в её поведении. За этим следовала наиболее сложная часть эксперимента. Его суть заключалась в том, чтобы женщины, с которыми они переспали, спустя несколько суток вступили в интимную связь с другим мужчиной и в дальнейшем отследить состояние этого мужчины. Поскольку организовать такой эксперимент крайне проблематично с точки зрения социальных и морально-этических условий, то каждому из учёных пришлось прибегнуть к одной и той же схеме, требовавшей некоторых инвестиций, на которые они согласились по собственной воле. Все сошлись во мнении, что единственным надёжным вариантом будет поиск ночной бабочки, с которой необходимо переспать и удержать на один час. Спустя сутки переспать ещё раз с той же самой проституткой и в ходе общения задать ей наиболее откровенные вопросы, которые в цивилизованном обществе считаются дурным тоном и на которые подавляющему большинству стыдно отвечать. Затем в эксперимент вовлекается знакомый, сосед или друг (короче говоря, подыскивается доверенное лицо), который вызывает к себе ту же самую проститутку, после чего обязательным является моментальный вербальный контакт с этим мужчиной. Во всех случаях удалось реализовать абсолютно все стадии эксперимента. Результаты исследований полностью совпали с предположениями Карла Грина. Газ, выпущенный из инопланетного объекта в Антарктиде, который вдохнули все члены экспедиции, оказал непосредственное воздействие на организм. Единственный симптом, который выдаёт присутствие в организме неизвестного вещества, заключается в том, что человек начинает говорить правду на все вопросы без каких-либо исключений. Но мало того, что склонность ко лжи исчезает, во многих случаях человек по собственной воле выдаёт некоторые секреты. Вторым наблюдением стало то, что этот газ является вирусом, который передаётся исключительно половым путём. Третье – при инфицировании третьего человека в цепочке половых актов инкубационный период вируса практически сводится к нулю и симптомы проявляются спустя считанные минуты.

Членами экспедиции были учёные, живущие в США, Германии, Великобритании, Франции и Австралии. Это означало лишь то, что вирус был запущен одновременно в пяти странах и на трёх континентах, а если учесть ещё и тот факт, что в цепочке инфицирования помимо полигамных самцов участвовали ещё и шлюхи, то можно было с уверенностью утверждать, что вскоре мир охватит пандемия венерической заразы, которая рискует оставить без хлеба полиграфологов.

Четыре с половиной месяца спустя.

– Мистер Лаймон, как настроение? – бодрым тоном спросил Форрест, войдя в палату к пациенту.

На нём был надет белый халат, а в руках находилась история болезни. Пока он подходил к койке больного, тот ответил:

– Здравствуйте доктор. Не сказать, что замечательно, но чуть лучше, чем вчера.

Бернарду Лаймону было семьдесят два года. Уже вторую неделю его мучают острые боли в грудной клетке и эффект обезболивающих уколов сохраняется максимум на шесть часов,

в то время как эти препараты можно вводить в организм не более трёх раз в сутки. Предыдущий врач, который занимался им до того, как его перевели в эту клинику, прописал одни из самых сильных обезболивающих, какие только существуют. До того Бернарда беспокоила лёгкая изжога, по крайней мере это напоминало изжогу по внутренним ощущениям. От этого дискомфорта он принимал таблетки для желудочно-кишечного тракта, но они не помогли. Тогда, в рамках продолжения курса самолечения, Бернард пересел на простые обезболивающие, принимая сначала кеторолак, а затем кетонал. Когда боли стали совсем невыносимыми, Бернард сдался и пошёл навстречу уговорам родных, отправившись к врачу.

Рядом с койкой на стуле сидела жена мистера Лаймона, которая одной рукой держала платок и вытирала всё ещё изредка стекающие слёзы, а другой держала совсем ослабленную ладонь мужа. Она с надеждой смотрела на доктора, оглядывающего историю болезни и до последнего верила, что тот принёс хорошие вести.

– А вот это, должен сказать, очень странно – беззаботно произнёс Форрест.

Миссис Лаймон посмотрела на него с выпученными глазами, а сам пациент спросил взыскательным тоном:

– Что вы хотите сказать? Я не иду на поправку?

– Видите ли, пришли результаты ваших анализов и расшифровка магнитно-резонансной томографии. Я врач с немалым опытом и поэтому смело могу утверждать, что вам отведено ещё от силы пару месяцев. Хотя я бы дал не больше одного.

– Но... но – сквозь всхлипывания пыталась проговорить миссис Лаймон – но доктор, может быть что-то ещё можно сделать?

Форрест почесал шариковой ручкой затылок, а затем сказал:

– Если честно, то я скептик в плане всякой там нетрадиционной медицины. Но если для вас это так важно... В общем в прошлом году я слышал о том, как один мужчина уже с метастазами рискнул отправиться в путешествие и поехал в Тибет, где нашёл какой-то монастырь, и там начал заниматься медитативными практиками. Говорят, что якобы вылечился. Если вам будет угодно, можете попробовать. Хотя лично я не стал бы терять время и рванул бы в Лас-Вегас, провёл бы такую ночь, чтоб потом пришлось от стыда стогать до самой смерти. Так хотя бы можно быть уверенным, что все упущенные возможности были компенсированы и жизнь не прошла впустую.

Три месяца спустя.

Официальные массмедиа не упоминали об этом ни слова, но все вокруг между собой только об этом и разговаривали. Известно было лишь то, что со многими что-то происходит. Резко меняется поведение и отношение к окружающим. Большинство свидетелей столь резких перевоплощений сходятся во мнении, что все эти массовые сдвиги не что иное, как результат воздействия психотронного оружия или чего-то такого, что по принципу действия напоминает искусственно созданный в лабораторных условиях вирус, распространяемого неизвестным путём.

Обеденный перерыв тридцатитрёхлетней Урсулы Бриггс начался в женском туалете в компании двадцатисемилетнего стажёра-аналитика. Правда начался перерыв не с восполнения энергии, а с растраты того небольшого запаса сил, который ещё оставался. В жизни Урсула была рискованным человеком и поэтому никогда особо не настаивала на использовании презерватива. Этот случай не стал исключением.

Выйдя из кабинки, она кое-как на последнем издыхании проковыляла до раковины, где посмотрела в зеркало, чтобы стереть все внешние признаки страстных объятий Хуана, который стажировался всего лишь первую неделю, но уже успел залезть под юбку своего наставника в третий раз. Но как бы ни старалась Урсула, как бы она ни укладывала волосы, как бы ни расправляла блузку и юбку, половина офиса уже знала о том, кому принадлежат эти стоны

в последней кабинке, которую Урсула выбирала в силу привычки, и кто там так тщательно старается, что она не в силах сдержать себя от стонов.

Компания, в которой работала Урсула Бриггс, занималась производством консервированных продуктов. Сама Урсула работала в подразделении аналитики. Занималась она преимущественно исследованием, анализом и прогнозом динамики рынка.

Заниматься сексом на работе для Урсулы было привычным делом, но не привычным было перепахиваться со стажёром, который на шесть лет моложе неё. До этого она сношалась с руководителем отдела логистики, дизайнером из отдела маркетинга, юристом, пищевым технологом, программистом и ещё одним программистом. А началось всё с курьера канцтоваров, обладателя двадцатисантиметрового прибора. Но, по правде говоря, секс в этом офисе стал нормой. Большинство сотрудников попадали под горячую руку высшего начальства, в рядах которого работали сплошь гнилые бюрократы. Поэтому для этого коллектива было крайне важно найти способ быстрого расслабления. Если не прочистить мозги от накопившегося негатива, то заниматься работой было уже невозможно. Так что Урсула была лишь одной из более, чем сотни сотрудников во всём офисе, которые в качестве разрядки прибегали к сексу. Исключение составляли несколько десятков человек, работающих в основном на низовых уровнях. Самым примечательным было то, что в руководстве компании об этом никто и не подозревал.

Через несколько минут Урсула уже заходила в кафе через дорогу, где за одним из столиков её ожидала Мэнди, которая работала в соседнем офисе.

– Подруга, где тебя носило? – спросила Мэнди, помешивая трубочкой шоколадный коктейль.

Обессиленная, Урсула рухнула на кожаное сидение, посмотрела куда-то в потолок, затем с каким-то парализованным лицом взглянула на подругу и сказала:

– Я только что дала себя оттрахать в туалете.

За всё то время, что прошло с того дня, как Мэнди подхватила инфекцию от Форреста, она успела раскрыть столько скелетов всем вокруг, что такие откровения её удивить не могли, но удивилась она тому, что эти слова слетели с губ Урсулы.

– И с кем же?

– Мой стажёр.

– Да ладно. Это тот, который доверчивый и с открытой душой? Вот так быстро?

К этому моменту официант уже принёс заранее заказанные Мэнди блюда, после чего Урсула продолжила говорить спокойным тоном, будто она рассказывает о подобных вещах ежедневно:

– Честно говоря, три дня тому назад я заметила, что он как-то часто оценивает взглядом мои сиськи, хотя я носила закрытую блузку. Я тогда попросила его поработать языком у меня между ног. Вчера он предложил уже сам, а сегодня я решила предоставить полную свободу.

– И давно у тебя такие приключения на работе?

Урсула глотнула чай и вдруг вспомнила:

– Блин.

Глядя на то, как подруга спешно вытаскивает из сумки телефон и кому-то набирает, Мэнди спросила:

– Что-то случилось?

Урсула продолжала смотреть стеклянными глазами куда-то в пустоту за спиной Мэнди, а когда на другом конце провода послышался голос, произнесла:

– Дорогой, я хотела сказать... это всё равно рано или поздно выяснится, так что лучше я сразу скажу. В общем я взяла из твоего стола семь сотен. Мне захотелось купить браслет, который увидела недавно. Просто у меня не было сразу такой суммы, а ты ведь знаешь как...

Из трубки стал доноситься голос мужа, от которого Урсула замолкла на какое-то время, а когда послышались гудки, она медленно опустила телефон и некоторое время её челюсть так и продолжала висеть, пока она не проронила остолбенелым голосом:

– Прикинь, меня муж попросил перезвонить, потому что он занят и прямо сейчас долбит мою сестру. – Секундная пауза. – И даже не пытается скрывать, подонок.

Но Урсула понятия не имела, что её сестра уже вторые сутки была инфицирована, а с её мужем она спала уже четвёртый год.

Мутация 2: к чему формальности

Три недели спустя.

В аэропорту Лондона официальные лица встречали делегацию во главе с министром обороны Франции. Встреча была приурочена к годовщине окончания Первой мировой войны. По трапу спускался сорокалетний министр Франсуа Бюжо. Физически министр был в полном порядке: ни грамма лишнего веса, густая шевелюра, ни одного седого волоса, золотистый загар и ровная белоснежная улыбка. Приближаясь к ковровой дорожке, он выискивал взглядом своего британского коллегу, но смог сделать это лишь в последний момент из-за яркого солнца, которое светило прямо ему в лицо. Франсуа активно рассасывал леденец во рту так, чтобы постараться раскрошить и проглотить его последние остатки перед тем, как поздороваться с британской делегацией. Как и всегда, передвигаясь на публике, он старался следить за осанкой. Это была практическая необходимость, так как Бюжо имел незначительный сколиоз и для этого носил под рубашкой специальный пояс, который прижимался к позвоночнику и этим самым давлением постоянно заставлял выпрямляться, чтобы давление со стороны пояса казалось меньше.

Когда по взлётной полосе просвистел сильный порыв ветра, Франсуа бросил взгляд на девушку-репортёра, на которой была надета свободная юбка. Её-то ветер и подобрал, слегка обнажив чёрные стринги в самом сокровенном месте. Только затем французский министр вернулся к хитрожопой физиономии своего британского коллеги. Он знал чего ожидают от него на этой встрече и поэтому изначально был настроен с жёстким скепсисом в отношении любых комплиментов в свой адрес или в отношении всей Франции. Франсуа понимал, что эти мудаки, если понадобится, будут целовать его в задницу, лишь бы получить ту информацию, которая их интересует. Именно по этой причине перед выходом из самолёта Бюжо принял внутрь последнюю разработку парижской фармацевтической компании – препарат, который блокирует действие алкоголя на мозг. Правда у этих таблеток был один незначительный побочный эффект: в случае приёма большого количества алкоголя по прошествии нескольких часов они вызывали железный стояк.

Встреча ничем не отличалась от предыдущих. Всё прошло по стандартному протоколу. На следующий день планировалась торжественная церемония. А в день приезда были проведены длительные переговоры, которые начались у трапа, продолжились в лимузине, перенесли в музей памяти павших в Первой мировой войне, после чего диалог двух министров стал веселее, так как следующим пунктом в маршруте стал ресторан. Но как бы ни старался глава оборонительного ведомства Великобритании, сколько бы шотландского виски не споили гостя, как бы ни разбавляли его ещё более крепкими напитками, Франсуа Бюжо всё равно не подавал ни малейшего признака опьянения, сохраняя трезвый рассудок. Несмотря на то, что переговоры были столь долгими, из французского гостя не удалось выманить ни слова о новой крылатой ракете «Моник», дальность полёта которой по неподтверждённой информации превышает семь тысяч километров.

Свой интерес здесь имели и агенты ЦРУ, которые крутились вокруг министров под видом представителей прессы и официантов. Но поздним часом, когда время уже близилось к

полуночи, агент ЦРУ Курт О'Хара приступил к реализации хитроумного плана, который был обозначен, как «на крайняк», «на всякий пожарный» или просто «план В» на случай, если британцы не смогут ничего выманить, чтобы затем эту информацию получить путём тайной прослушки личного помощника министра обороны Её Величества. Когда охранник, находившийся у дверей в номер министра, был отвлечён несварением желудка, Курт в последний раз проинструктировал свою подопечную:

– Повторим последний раз. Что ты должна спросить?

Практическую часть плана, который так тщательно разрабатывал Курт, предстояло реализовать с буферами четвёртого размера и сексапильно одетой Глории, тоже агенту ЦРУ. В некотором смысле.

– Моник.

– Правильно. Что такое «Моник»?

– Ракета.

– Так. Что ты должна уточнить?

Глория почесала затылок и проронила с прищуренным взглядом:

– Дальность поражения, мощность боеголовки, скорость движения и наличие дистанционного управления в ходе движения.

Курт всегда предпочитал применение самых необычных методов в выполнении операций. Он практиковал нестандартный подход, так как был сторонником эволюции и тотального прогресса во всём и терпеть не мог классику. Не так давно он узнал о том, что по миру начинает распространяться некий вирус, который лишает человека склонности ко лжи. Но лично для Курта проблемой стало то, что вирус передаётся исключительно половым путём. Поэтому он решил привлечь к операции Глорию, к услугам которой прибегал регулярно. Для начала Курт нашёл инфицированный объект и заплатил Глории, чтобы она соблазнила его. Он не стал рассказывать девушке о том, что она подцепила. Единственное, на чём настаивал Курт, так это чтобы Глория приступила к опросу после полового акта.

Единственный риск, который беспокоил Курта, был связан с тем, чтобы его оружие не сработало против него самого и чтобы Глория не созналась министру в истинной причине своего визита. Но на этот случай Курт предусмотрел кое-что. Он нацепил на шею Глории симпатичный медальон с золотой цепочкой и сказал, что там спрятан микрофон. И это была чистая правда. Но не вся. Помимо микрофона в медальон была заложена небольшая батарея, которая запускалась дистанционно, а именно она предоставляла возможность при необходимости жакнуть небольшим электрическим разрядом того, на ком надет медальон. Но и это не давало никаких гарантий по части защиты от провала операции. Сорвать медальон не станет проблемой, если такая мысль у Глории возникнет. В конце концов она может оставить его лежать рядом где-нибудь на тумбе или где-нибудь ещё и микрофон будет записывать звук ничуть не хуже. Но разведывательная работа сама по себе всегда создаёт риски, так что в этом деле внештатная обстановка – норма.

Раздался стук. Видимо уровень тестостерона, который и без того зашкаливал в последние пять минут, поднялся ещё немного и лишил трезвости ума не хуже алкоголя, так как министр даже не задался вопросом, почему раздался стук в дверь. Обычно этого не происходит, так как кто-нибудь из охранников заходит без стука и лично сообщает всё что нужно. Но мало того что алкоголь уже вступил в контакт с препаратом, блокирующим его действие, что вызвало у Франсуа Бюжо чудовищную эрекцию, так ещё и на пороге нарисовалась такая блондинистая секс-бомба с двумя полуобнажёнными боеголовками мощностью по четыре мегатонн каждая. В этот момент самый главный орган дал понять, что он ещё и самый чувствительный, так как реакция на действия провокационного характера последовала незамедлительно. Продемонстрировав своё возбуждающее оружие, девушка совершила провокацию и вынудила министра привести в боевую готовность своё вооружение.

Столкновение французских и американо-британских вооружённых сил произошло вскоре после установления визуального контакта. В ходе тесных столкновений и трений Франсуа обнаружил, что вражеские боеголовки оказались не более, чем фикцией, хоть и выполнили роль ловушки с большим успехом. Зато скрытая под поверхностью военная база могла вместить в себя целую «танковую дивизию», не говоря уже о многократном погружении единичного снаряда министерства обороны Франции.

К удивлению Глории, министр Бюжо оказался половым гигантом и человеком с крайне сильными лёгкими, мощь которых она ощутила, когда министр засасывал её язык.

Последствия от столкновений оказались максимально ничтожны: одна помятая простынь, одна сброшенная подушка, две содранных пуговицы, порванные стринги и разбитая ваза.

После продолжительной беседы с Глорией Курт понял, что операция провалилась. Министр Бюжо ничего не рассказал о проекте «Моник».

– Он точно не предохранялся? – в очередной раз спросил Курт.

– Да у него мозги сместились в мошонку. Стоило мне вывалить сиськи, он про носки и рубашку не вспомнил, не говоря уже про чехол для своей палки.

Курту пришлось в ускоренном режиме разрабатывать ещё один план. Имея аккредитацию журналиста, он готовился к пресс-конференции, которая планировалась на следующий день.

Всё было подготовлено. Среди прессы были представители семидесяти двух телекомпаний из сорока восьми стран. Без трёх одиннадцать в зал вошли министры оборонительных ведомств Великобритании и Франции. Вступительная речь с обеих сторон была посвящена прошедшим переговорам и церемонии в честь годовщины окончания Первой мировой войны. Первым выступил британский министр, после чего слово взял Франсуа Бюжо:

– Приятно перетирать дипломатический базар в такой обстановке, какую нам предоставили наши британские кенты. Вчера нам засветили последние наработки в сфере борьбы с терроризмом, постановочный кипишь, показуха от спецназа и все дела. Короче перформанс был отпадный, я обомлел и заценил.

На некоторое время зал погрузился в гробовую тишину. Гул голосов оборвался, как и прекратились вспышки фотоаппаратов.

Затем корреспондентам была предоставлена возможность задать свои вопросы. К удивлению Курта, ему позволили задать вопрос первым. Он встал, максимально выпрямил колени и спросил:

– Мсье Бюжо, что вы можете рассказать о последней разработке французских военных инженеров «Моник»?

Министр Бюжо поправил узел галстука и начал говорить в спокойной манере:

– Не, я секу, это ваш хлеб, зашвыривать таких как я вопросами, но вы ведь тоже здесь не бамбук курите и должны вникать, что такие нюансы раскрывать перед вами как шлюха щель перед клиентом мне шеф не даст, а не то по шарам прилетит. Это я сейчас, типа, фигурально. Так что приходится фильтровать базар, а иногда и с прибором ложить на такие вопросы и втирать дичь, типа я в душе не е*у чё там из себя представляет эта «Моник».

Это был один из мощнейших пиаров в истории мировой политики. Министр обороны Франсуа Бюжо хоть и прибыл на ковёр к своему патрону в лице президента, но в отставку отправлен не был. Об этой пресс-конференции ещё долго говорили по телевидению и тщательно обсуждали со всех углов, а когда при следующем публичном выступлении у министра Бюжо спросили о том, что стало причиной такого общения с прессой, он ответил:

– Я просто хайпанул и пипл схавал.

Произошёл первый случай, когда вирус мутировал. Этот штамм проявлялся через весьма необычные симптомы. Нарушения происходили также в психике, но уже немного в другом

русле. Для инфицированных этим штаммом вируса нецензурная лексика переставала быть нецензурной. И всё же президент Пятой республики понятия не имел, как повезло его стране и его личной репутации в том числе. Вместо того, чтобы раскрыть военные секреты Франции на весь мир, его министр обороны включил гангстерский базар отъявленного рецидивиста. Всего лишь на всего.

По убедительной просьбе президента министр Франсуа Бюжо взял внеочередной отпуск сразу, как только были урегулированы все неотложные дела. Поскольку министр был в разводе уже третий год, в личной жизни он не был обременён обязательствами перед кем-либо.

Франсуа приехал на виллу, отведенную под пользование правительства, расположенную в пригороде Ниццы. Это было трёхэтажное здание, построенное в стиле эпохи возрождения с открытым фасадом и верандой по всему периметру на первом уровне. Позади особняка простиралось средиземное море с сияющим солнцем. Для купания не сезон, но это министра абсолютно не беспокоило, так как направлялся он в эти края, преследуя совершенно иные цели и в его развлекательной программе пляж не значился. Приехать сюда одному было бы полным безумием, поэтому министр Бюжо взял с собой тридцатидвухлетнюю брюнетку Сесиль, которой он совсем недавно оплатил шесть литров силикона в передней части кузова.

Отправив охрану на заслуженный двухсуточный отдых, Франсуа приступил к развлекательной программе. Сесиль была немного выше, чем Франсуа, но это ему даже нравилось, так как площадь соприкосновения бёдер девушки с его ладонями была больше обычного и создавало более сильное магнитное поле. Получив образование в сфере международных дипломатических отношений, Сесиль решила построить свою профессиональную карьеру в весьма специфичной области дипломатии, носившей откровенно половой характер. Хотя такие отношения тоже могли быть международными, а представления о дипломатии у каждого свои. В любом случае, как бы та ни было, выбор Сесиль сделала однозначно верный, так как всего через несколько лет плодотворных усилий она уже работала ни с кем-нибудь, а с министром обороны Франции, а это уже весомый результат.

– Пупсик – сказал Франсуа откуда-то из обратного конца дома на первом этаже. – Двигай своими бидонами.

Министр стоял посреди ванной комнаты и осматривал громадный джакузи. Его разыгравшаяся фантазия представила разуму яркие образы. В это время Сесиль появилась на пороге за его спиной и проронила заинтересованным тоном:

– О-о-о! Я смотрю ты уже подобрал локацию для начального этапа.

После некоторых размышлений Франсуа спросил, сохраняя неподвижную позу:

– На групповуху меня как-то не тянет, а вот массаж с двух сторон...

Министр развернулся лицом к Сесиль и остолбенел, когда увидел девушку и спросил:

– Это ещё что?

– Как? – недоумевала Сесиль.

– Ты порнухи насмотрелась? Чё за извращения мать твою?

За последние шесть часов, проведённых вместе, Сесиль почти привыкла к новой манере общения Франсуа, но всё же ей было не по себе, когда он обращался к ней в настолько грубой форме.

– Это всего лишь сливки – умоляющим тоном ответила Сесиль, потряхивая баллончиком в руке. – Если не хочешь, могу сходить посмотреть, что ещё там есть в холодильнике.

Франсуа какое-то время ещё смотрел на досадную гримасу на лице Сесиль, после чего покачал головой и проронил, поворачиваясь обратно к ванне:

– Пофиг. – Потом он резко развернулся и добавил: – Тогда метнись ещё разок и посмотри там пиво или чё-нибудь ещё холодного хлебнуть.

Тон министра Сесиль не нравился, но зато его поведение в постели (хотя в саму постель они ни разу за двое суток так и не залезли) удовлетворило её по максимуму. Особенно сильно

ей запомнился секс в джакузи. Только вот сама Сесиль так и не поняла, с чего это вдруг во время следующего сношения она начала кричать, обзывая Франсуа кобелём, при этом в грубой форме требуя, чтобы он вогнал своего питона в её пещеру как можно глубже. Но чем дальше, тем больше ей стал нравиться грязный секс с не менее грязными словечками. Осознание всего произошедшего пришло к Сесиль лишь в тот момент, когда она покидала виллу.

На третий день Сесиль вернулась в Лион, где ей предстояла долгая и томительная подготовка к вечеру встречи выпускников. До того момента она обратила внимание, что в классической дипломатии её навыки стали сильно страдать, так как теперь для неё стало проблематичным даже общение с кассиром в супермаркете. Всякий раз такой поход в магазин заканчивался тем, что кассиры провожали Сесиль с таким лицом, будто желали ей гнить в аду до скончания веков. Когда ей пришлось позвонить в службу технической поддержки интернет-провайдера и оператор ответил после восьми минут ожидания, она начала свою речь со слов: «Салют мудаки. Ваш инет ни хера не фурычит уже вторую сука неделю, чтоб вам пусто было...». Последние два месяца пожилая соседка каждое утро спрашивала Сесиль о том, не видела ли она её пуделя по кличке Фабьен. К тому моменту этот каждодневный вопрос начал откровенно бесить Сесиль. Каждое утро начиналось с одного и того же. Вот и в этот раз едва соседка заметила её ранним утром около лифта, как тут же в спешке подошла к Сесиль и поздоровалась:

– Здравствуй моя красавица.

Обычно под этим словом мадмуазель Шапель понимала не сексапильные формы молодой соседки. Она так называла всех, кто был моложе неё лет на сорок-пятьдесят.

– И вам не хворать – нехотя ответила Сесиль, поправляя чашечки под блузкой.

– Сколько дней тебя не видать – продолжала удивлённым и бодрым голосом говорить мадмуазель Шапель.

– Была там одна делюга, пришлось сгонять по бырому.

И тут седоволосая семидесятичетырёхлетняя соседка задала главный вопрос:

– Дорогая, ты не видела случайно моего Фабьена?

В ответ Сесиль бросила как ни в чём не бывало сдержанным тоном:

– Да х*й с ним с вашим Фарелем. Отпрыски каждый день толпами исчезают и весь мир на них забил, а вы из-за такой херни уже два месяца мне мозг насилуете. И себе заодно.

Настал вечер встречи выпускников. Мало того, что за все годы, что прошли после школы, тело Сесиль сильно трансформировалось в силу естественных причин, продиктованных матерью природой, и стало сексапильным, мало того, что она закачала в свои бидоны силикон, так плюс ко всему она ещё и просидела три часа в самом дорогом салоне красоты во всём Лионе. На вечернее платье она тоже не скупилась, как и на нижнее бельё. В общем, узнать её было не просто, тем более что с окончания школы Сесиль не виделась ни с кем из одноклассников, если не считать редкие телефонные разговоры. В социальных сетях свои фотографии она тоже не выкладывала. Однако стоит отметить, что и сама Сесиль с трудом могла распознать нескольких человек до того момента, пока не села за стол.

Она смутно помнила этого парня, впрочем, как и большинство остальных. Плюс ко всему, что-то подсказывало Сесиль, что может быть этот парень даже не имеет ничего общего с её классом, а просто сидел за соседним столом в том же самом ресторане. Так или иначе ей не удалось вспомнить деталей того вечера из-за изрядного количества выпитого алкоголя. Единственное, что отложилось в её памяти из главных событий, так это кабинка туалета, чрезмерные неудобства из-за того, что крышка унитаза была слишком мала и не позволяла расположиться на ней целиком; она помнила, как во время оргазма случайно задела кнопку на сливном бочке, после чего послышался шум сливающейся воды. Ещё Сесиль запомнилась лампа на потолке. Она запомнила, потому что ей пришлось долго лежать на спине и пялиться на потолок с лампой, пока парень пыхтел изо всех сил. Сесиль обратила внимание, что лампа светит

слишком тускло на фоне белоснежного потолка. Ах да, и ещё ей запомнился финал. Когда она ощутила, как парень извергается в неё, она тут же блеванула на только что вымытую плитку.

А вот перепехнувшийся с Сесиль в кабинке Клеман и понятия не имел, что этот божественный секс в нестандартных условиях крайне сильно скажется на его утренней презентации в компании по пошиву спортивной одежды и обуви.

Будильник сработал ровно в шесть утра. На этот раз чистка зубов и бритьё стали целой проблемой и требовали таких усилий, будто стоя перед раковиной в ванной комнате Клеману предстояла целая спецоперация. Мало того, что ночь была просто адская, так ещё и домой он приволочился только к половине второго. А всё из-за той похотливой сучки, которая сидела через три стола и весь вечер провоцировала на действия развратного характера. Клеман завёлся настолько, что дал себе слово:

Я не уйду отсюда, пока не вдую этой самке.

Так оно и случилось.

Но, как это всегда и бывает, за всё приходится платить, а вид у Клемана был убитый. Мало кому захочется слушать презентацию от того, кто спит на ходу и путается в мыслях из-за сильного недосыпа и четырёх бокалов виски разных брендов. В то утро Клеман насыпал в чашку две ложки кофе вместо одной, как он делал это обычно. По пути на работу он чудом не задел ни прохожих, ни фонарей, ни мусорных баков и вполне неплохо вписался на своё парковочное место на нижнем уровне здания офиса. Выйдя из автомобиля, Клеман понял, что кофе не даёт нужного эффекта. Либо он просто выпил его в недостаточном количестве. Он вошёл в лифт, куда помимо него втиснулись ещё двое мужчин. На первом этаже внутрь вошли ещё четверо. Клеман стоял позади всех и клевал носом. В какой-то момент он даже облокотился правым виском о боковую стенку лифта в расчёте слегка подремать, но, когда лифт совершил промежуточную остановку, резко остановившийся механизм слегка подтолкнул Клемана вверх, отчего сон прервался.

Перед тем, как отправиться в свой кабинет, он подошёл к автомату в коридоре и добавил к утреннему запасу ещё одну чашку кофе. Вокруг суетились десятки маячивших перед лицом сотрудников, отовсюду доносились голоса и телефонные гудки. Но Клеман ничего не слышал и не видел, и по прошествии получаса стало понятно, что кофе здесь совсем ни при чём.

Клеман посмотрел на часы. До презентации оставалось меньше двадцати минут. Он вспомнил про Гаспара из бухгалтерии и отправился к лифту. Он обрисовал своё затруднительное положение, насколько это позволял сделать язык, после чего Гаспар вошёл в ситуацию и с радостью согласился помочь. И тогда Клеман поспешил в мужской туалет на том же самом этаже. Закрывшись в кабинке, он сел на крышку унитаза и начал аккуратно высыпать содержимое пластикового пакета на дисплей своего смартфона. Дорога получилась немного кривой, но перфекционизм Клемана сейчас мало заботил. Он вдохнул полной грудью, прочесал пальцами ноздри и продолжил сидеть некоторое время. Эффект не заставил себя долго ждать. Через полторы минуты Клеман ощутил прилив бодрости и свежести, словно он выспался, зарядился и готов бежать марафон до Нью-Йорка.

Конференц-зал был полон. Все, кого ожидали в числе приглашённых, прибыли. Президент компании Андре Фугас был одним из тех, кто сидел в первом ряду. Помимо него среди личного состава компании присутствовали финансовый директор, руководитель пиар-отдела и заместитель президента по производственной линии.

Компания «Shirt-Space», в которой работал Клеман, занималась производством одежды и обуви широкого спектра, но преимущественно спортивной одежды. Руководство фирмы уже долгое время занимается привлечением внешних инвестиций в целях расширения и увеличения своей доли рынка. Специально для этого пиар-отделу было поручено подготовить эффектную презентацию. Её проведение было поручено Клеману, который по мнению руководителя пиар-отдела имел самый подвешенный язык и обладал пиком творческой импровизации.

В конференц-зале сидели восемнадцать потенциальных инвесторов и все взгляды были направлены на белый экран. Перед аудиторией появился Клеман. Он подал рукой сигнал и свет в помещении приглушили. Мультимедийный проектор вывел на экран первый небольшой видеоряд с анимированной эмблемой компании, в след за которой появился первый слайд. На нём были представлены те товары, с которых компания начинала своё восхождение. Клеман особо комментировать не старался. То, ради чего действительно стоило прийти на презентацию, начиналось с пятого слайда, откуда стартовала демонстрация последних достижений компании. На экране появилось изображение мужского нижнего белья. Здесь Клеман уже значительно отклонился от плановой речи:

– Ткань, из которой выполнен данный предмет гардероба, крайне эластичная и если вы опустите трусы до колен, а потом сядете на шпагат, то даже не почувствуете, что на вас что-то надето. Поэтому первое, что следует отметить – в этом крайне удобно заниматься сексом. Если вы, конечно, не любитель постельного эксгибиционизма и не хотите тратить время на трусы и носки.

Зал заполнил лёгкий смех. Лишь президент Андре Фугас насторожился от того, что кое в чём его сотрудник отклонился от плана, на разработку которого было потрачено столько усилий и времени. Теперь он гадал, что же там Клеман скажет дальше и не ляпнет ли он чего-нибудь такого, что может спугнуть инвесторов.

– Ах да, и забегая вперёд, хочу предупредить, чтобы вы никогда не покупали женскую модель, потому что тогда к щели своей жены вы уже не подберётесь. Придётся долбить снаружи.

Зал в очередной раз заполнился смехом. Кто-то даже захлопал. Заместители сидели, не понимая как реагировать, потому что с одной стороны гости с толстыми кошельками были довольны происходящим, а с другой – Андре Фугас уже принял для себя решение, что этой презентацией Клеман сейчас решает своё будущее: либо он сохранит работу, либо вылетит на улицу, да ещё и по такой статье, что ни в одну приличную фирму его уже никогда не примут.

Тем временем Клеман чувствовал прилив сил. Кокаин в этом вопросе не подводил. Показания на его барзометре зашкаливали. Он ещё никогда не чувствовал себя так уверенно и продолжил задвигать речь, когда на экране появился следующий слайд с футболкой:

– Впрочем тоже самое касается и этой футболки. Обратите внимание на её длину. Она опускается на несколько сантиметров ниже пупка и всё. Если трахаете раком, то нет нужды закатывать футболку. Очень практично.

– Пожалуй соглашусь – раздался чей-то голос из зала.

На этот раз зааплодировали все инвесторы без исключения, а Клеман бросил вдогонку:

– Что это, если не одежда будущего?

За этой фразой последовали овации. Манера изложения потенциальным инвесторам явно пришлась по душе.

Через четырнадцать минут, когда презентация подошла к концу, зал рукоплескал. По окончании переговоров Андре Фугасу крепко и искренне пожал руку каждый среди приглашённых толстосумов, а суммарные инвестиции в итоге превысили ожидания на триста-триста пятьдесят процентов. А вот Клеман всё равно из компании вылетел. Правда по собственной воле. Когда один из инвесторов после презентации предложил ему работу в своём рекламном агентстве с увеличением жалования в три раза, Клеман ответил:

– Само-собой ёб твою. Хера ли мне тут ебаться вхолостую.

В первую неделю на новой работе Клеман отправился в командировку на международный форум, посвящённый эволюции рекламных технологий, который проходил в Сиднее. В ходе поездки новые коллеги не прекращали возмущаться тому, в какой грубой манере Клеман с ними общается. Однако владелец рекламного агентства предупредил руководство компании о том, какие привилегии должны быть предоставлены новому сотруднику, поскольку он был

уверен, Клеман бесценный кадр и слепо верил в то, что профессионалы такого калибра на дороге не валяются. Поэтому руководство закрывало глаза на вульгарные словечки, которые Клеман вставлял в каждое предложение.

Проведение форума планировалось растянуть на шесть дней. В первый же день Клеман обрёл тесные связи с тридцатисемилетним топ-менеджером одного из канадских медиахолдингов. Её звали Ивёт Дюре. Она занимала пост заместителя главного редактора по информационному блоку. Она была ростом чуть выше среднего, носила рыжие и слегка кучерявые волосы чуть ниже плеч. Ивет практически никогда не появлялась на людях без контактных линз, которые меняли цвет её глаз с чёрного на светло-жёлтый, но прежде всего она это делала из практической необходимости, не желая носить очки. Точно также каждое утро она контролировала уровень ботокса в своих губах, чтобы вовремя закачать новую порцию и поддерживать их пухлость. Первый брак для Ивет не задался из-за того, что муж выражал недовольство тем, сколько времени она проводит на работе, тем самым сделав вывод, что если у неё не хватает времени на собственного супруга, то о детях уж точно можно забыть. Второй так и не состоялся, поскольку обручившийся жених устал ждать её на каждом свидании по целому часу и за три недели до свадьбы забрал свои слова обратно относительно обещания жениться. Но для самой Ивет такое событие стало невероятным облегчением. Её долго мучали сомнения насчёт того, а стоит ли вообще заводить семейную жизнь с таким плотным графиком как у неё. То, чем она занималась, её полностью устраивало. В своей работе она не видела того, что могло создавать усталость и рутину. И к тому же она понятия не имела, как долго сможет скрывать свои регулярные связи с президентом компании. Разумеется, речь шла не только о служебных связях, а о связях в самом что ни на есть буквальном смысле.

Долгое время Ивет стремится совершить некоторую мини-революцию в новостном телевидении. Она стала одержима этой идеей с того момента, как познакомилась с продюсером крупнейшего бразильского телеканала, исповедующего именно такую философию работы. Ей казалось, что всё современное телевидение преподносит новости как-то однообразно. Она была твёрдо уверена, что в настоящее время новостная часть телевидения испытывает сильный дефицит развлекательного характера, из-за чего смотреть новостные блоки и политические ток-шоу со временем становится скучно. По мнению Ивет добиться некоторой эволюции можно было за счёт внедрения ощутимых коррективов по части формата. Либо это должны быть новости, в которых ведущий начнёт отклоняться от кучи гуманитарных выражений, которые будут заменяться на бытовые синонимы или жаргоны уличного сброда, что сделает восприятие информации более привычным и удобным для широкой аудитории. Ивет считала, что в этом и заключается фундаментальная креативность информационного искусства, что может привлечь значительно больше аудитории и тем самым стать новым двигателем медийного бизнеса. Но её мнение не разделял главный редактор, на которого отказывался влиять даже президент холдинга, с которым Ивет была ну в о-о-о-очень тесных отношениях. Они были настолько тесные, что президент решил бросить все дела и приехать на форум вместе с остальным руководством.

Несмотря на то, что Ивет всё время приходила на форум в деловом брючном костюме, Клеман всё равно не терял к ней интереса как самец к самке. Напротив, его заводили строго одетые женщины. В этом он находил некоторую строптивость и недоступность, которые непременно следует преодолеть и получить то, к чему хозяйка тела так тщательно не подпускает. Плюс ко всему Ивет имела роскошные ягодички, которые так и выпирали через брюки. Такие формы не в состоянии спрятать никакая одежда. На губы и оттенок глаз он тоже обратил внимание.

С первого же разговора Клеман заметил, насколько профессионально Ивет умеет подавать информацию так, чтобы пипл схавал. Клеман был маркетологом и презентатором с немалым опытом и прошёл кучу всяких курсов по развитию навыков риторики, поэтому втереть ему какую-нибудь дичь было невозможно. Хотя со стороны было похоже, что Ивет этого и не

хотела. Ему казалось, что она как-то чересчур внимательно слушает его голос, особенно в тех местах, которые не выдержала бы никакая телевизионная цензура. И это было довольно странное чувство: в то время как другие в этих местах начинали сторониться Клемана и вертели носом, Ивет напротив начинала слушать его с ещё большим интересом. С одной стороны, было очевидным то, насколько Ивет притягивает общество Клемана, но вот только на четвёртый день он был уже твёрдо убеждён, что она интересуется какими-то его отдельными внутренними, преимущественно профессиональными качествами, но не самим Клеманом как мужчиной. Однако сам Клеман преследовал вполне конкретную цель, и ею была не какая-то часть Ивет, а всё её тело. Но с какой бы стороны он не заходил, она игнорировала любые знаки внимания. Стало очевидным, что поставленная задача требовала радикальных решений.

В последний день, когда форум подошёл к своему окончанию, был организован банкет в ресторане отеля, где проживали все участники форума. Спустя три часа с момента начала банкета Клеман подошёл к Ивет с двумя бокалами белого полусладкого, предложил выпить с ним и прогуляться по вечернему скверу за зданием отеля перед тем, как они разъедутся по домам. Разрабатывать столь хитрый план по укрощению женщины Клеману ещё не доводилось. Всякое бывало, но такое даже во сне не привидится.

Ивет охотно согласилась. Они гуляли по живописному скверу, изобилующему зелёными насаждениями из деревьев, кустарников и идеально ровного газона. На город опускались сумерки и наземные сферические фонари, расположенные вдоль всех тропинок в сквере, извлекали яркое свечение, похожее на лунное. Людей вокруг было не так много, как можно было предположить. Ивет неторопливо выпивала содержимое бокала мелкими глоточками и продолжала внимательно слушать Клемана, улавливая каждую мысль в столь специфичных формулировках, какие ей доводится слышать не часто. Беседа протекала в неторопливом ритме. Но когда бокал опустел уже почти на половину, процесс был запущен. Ивет начинала всё чаще водить ладонями по щекам и шее, а дыхание участилось, что можно было заметить по вздымающейся груди.

– Тебе плохо? – спросил Клеман, сидя на скамейке рядом с Ивет, пытаясь произнести слова как можно более мягким и озабоченным тоном.

Ивет не понимала, что происходит. Она опустила бокал на скамейку и провела пальцами по голове, расправляя волосы назад. Её голос казался каким-то нерешительным:

– Я... я не знаю. Вроде бы и температуры нету. Но такое чувство, как будто в жар бросает.

Она провела ладонями по животу, быстро и плавно передвигая их на бёдра. Ей казалось странным то состояние, которое наступило. Она вроде бы выпила немного, но и на опьянение это тоже не было похоже. Когда её глаза уставились на лицо Клемана, её тело замерло, будто она поняла, чего хочет. Тут-то до Клемана дошло, что нужный эффект уже достигнут, после чего он решительно перешёл к следующей стадии. Он наклонился поближе к Ивет и прижал ладонь ко лбу, при этом зависнув так, что расстояние между их лицами сократилось до каких-то пары сантиметров и Клеман уже чувствовал её дыхание на своём лице. Он провёл рукой по её лбу, медленно переходя к левой щеке и сказал:

– И в самом деле. Я бы не сказал, что у тебя температура.

При этом взгляд Клемана становился всё более настойчивым и пронизательным. В этот момент Ивет начала испытывать такое ощущение, будто её тело обжигало изнутри в самом животе. Это ощущение постепенно опускалось всё ниже и ниже, пока не достигло детородного органа. И вот в этом месте у неё возникло не просто жжение, а настоящий костёр как в раскалённой печи, из которого вот-вот полетят искры и его надо было потушить в экстренном темпе. Руководствуясь животным инстинктом, Ивет посчитала, что с таким возгоранием работу пожарного может выполнить и Клеман, который среди мужиков был к ней ближе всех.

Лифт оказался немного тесноват для таких процедур, но Ивет уже ничего не замечала кроме пожара внутри себя. Её номер находился на шестнадцатом этаже, поэтому она призы-

вала Клемана не медлить, потому что если он не начнёт обрабатывать ей крайнюю плоть прямо в лифте, то в костре может случайно оказаться динамит, который вот-вот рванёт. Впервые за многие годы Ивет пожалела, что на ней брючный костюм вместо платья или юбки. Чтоб удовлетворить свои запросы, ей пришлось расстегнуть молнию на брюках, чтобы Клеман смог просунуть свои пальцы под её стринги. Ему казалось, что ещё немного и Ивет своими зубами откусит ему язык, настолько резко она работала челюстями. Потолок и три стены лифта были покрыты зеркалами, но что у Ивет, что у Клемана не было ни желания, ни времени смотреть в зеркала, настолько они были поглощены обуревающей их страстью.

По пути вверх лифт останавливался на восьми этажах, но всякий раз постояльцы предпочитали перейти к соседнему лифту.

Лифт остановился и двери раздвинулись. Не теряя времени, они понеслись по коридору, проходя по ковровой дорожке, какими были устелены коридоры на всех этажах с номерами. На этом этаже дорожки имели багровый оттенок на фоне золотистого паркета. Стены, как и на всех этажах, были окрашены в белый с элементами багрового орнамента в египетском стиле. Потолок состоял из лепнины с выпуклыми круговыми формами над люстрами, которые были окрашены в цвет белого золота.

Наконец они оказались внутри. Номер был зарегистрирован на имя Люсьена Фарси – президента медиахолдинга, в котором работала Ивет и с которым она регулярно спала. Но комната была не только оформлена на него. Он здесь и спал, но только после того, как Ивет удовлетворит его животные позывы. И всякий раз после финиша Люсьен восторженно произносил свою коронную фразу «Ну ваще!» Сейчас Люсьена в номере не было. Люсьена не было, но секс всё равно был, и в данный момент времени Ивет было абсолютно наплевать с кем она будет потеть. Она не рассчитала силы и две пуговицы на её блузке полетели к чертям. Она в спешке развалилась на кровати, изобразив небольшой шпагат в воздухе, после чего положила руки на затылок Клемана и прижала его лицо к половым губам. Время от времени Клеману казалось, что он переборщил с количеством таблеток, потому что Ивет не контролировала порыв своей страсти. Она настолько сильно прижала его голову к своей крайней плоти, что ему изрядно не хватало воздуха.

Она стонала, кричала и вопила, а когда Клеман начал погружаться в неё, то рот Ивет был уже занят и сквозь мощные засосы просачивалось лишь её громкое мычание. Клеман увеличил скорость. Количество погружений в единицу времени нарастало и кровать начинала скрипеть всё сильнее. Но было крайне трудно расслышать что-то ещё помимо стонов Ивет. Сначала она ухватила пальцами за край кровати у изголовья и стала стонать ещё громче. Глаза Клемана невольно уставились на круглые груди, которые расшатывались то вверх, то вниз в такт остальному телу. Затем Ивет просунула руки подмышки Клемана, прикоснулась к спине, как следует вдавила ногти в кожу и резким движением провела вниз. В этот момент у Клемана возникло ощущение, что ещё немного, и он испытает предел восторга. Но он понятия не имел, что ногти Ивет прошли по его спине настолько сильно и глубоко, что в некоторых местах уже просачивалась кровь.

Спустя двое суток в Монреале Ивет Дюре вошла в кабинет главного редактора и совершила очередную попытку по продвижению своих планов совершить революцию в сфере информационно-политического телевидения.

– Ты заводишь этот разговор уже в сотый раз! – твердил Рубен Вильтор, стуча указательным пальцем о покрытие своего стола. – Я уже сказал тебе в прошлый раз и повторю сейчас – НЕТ! Если тебе захотелось креатива, могу перевести в другой отдел, будешь по утрам детям мультики подбирать!

Ивет была настроена более чем решительно. Она стояла напротив главного редактора и, широко опираясь обеими руками о край стола своего начальника, продолжала настаивать:

– Хорош вести себя как плесень. Выпучи зрачки в окно. Пипл, сука, жаждет зрелищ. Они хотят, чтоб передачи были не просто фонтан, а чтоб брызги, мать твою, до самого потолка летели. Ты хоть вникаешь, о чём я здесь втираю?

Рубен ткнул указательным пальцем в направлении Ивет и преисполненный гримасой недовольства произнёс:

– Во-первых, убрала руки с моего стола, во-вторых, хватит разговаривать со мной как с каким-то фраером! Что это за базар у тебя начался? Почему ко мне весь день ходят люди и жалуются на оскорбления, которыми ты швыряешься в их адрес? Так что следи за речью! И в-третьих, если ты ещё раз поднимешь эту тему, вылетишь с работы!

Ивет пафосно взмахнула рукой и пофигистическим тоном проронила:

– Не мороси лысый...

Следующий разговор у Ивет проходил уже в кабинете президента компании, правда разговор этот состоялся уже вечером после окончания рабочего дня и тет-а-тет. Поэтому президент очень надеялся на то, что этим вечером у него будет повод сказать «Ну ваще!»

– Клубничка моя, сбавь обороты – сказал пятидесятичетырёхлетний Люсьен Фарси. – Иначе мне придётся сделать то, что предписывает должность.

Затем Люсьен трусцой подбежал к Ивет, схватил за ягодицы, приподнял и посадил на край своего стола, проговаривая игривым тоном:

– А папочка так не хочет расставаться со своей лапочкой.

К тому времени волосы на голове Люсьена уже заметно поредели. С недавних пор он начал носить широкие косые бакенбарды до самых скул. Люсьену казалось, что это придаёт ему брутальности и компенсирует потерю волос на голове. Ещё до бакенбард, лет так за десять, Люсьен обрёл первый признак частого употребления пива в виде небольшого живота, который пока что трудно было назвать балластом. Но его это не беспокоило, так как его любили таким, какой он был, причём любила его таким не только жена, так что его репутация ничуть не пострадала. И всё же одна вещь Люсьена беспокоила. Он никогда не появлялся среди сотрудников без пиджака, так как не хотел, чтобы кто-то узнал, что он носит подтяжки. К этому предмету гардероба президент компании слишком привык, чтобы отказаться от него. Это был его бзик. Ивет оставалась единственной во всей компании, кто видел Люсьена Фарси в подтяжках, как, впрочем, и без подтяжек и всего остального. До появления Ивет в компании Люсьен часто срывался на подчинённых, из-за чего все пахали как угорелые и старались лишней раз не попадаться ему на глаза. Ну а спустя пару месяцев после приёма на работу Ивет президент компании выплёскивал всю энергию НА неё и В неё, а все остальные стали реже выслушивать недовольный голос начальника. Словом, Ивет принесла мир и радость всему медиахолдингу.

Он уже успел прилипнуть к этим пышным ягодицам, как вдруг неожиданно для самого Люсьена Ивет подорвалась и, толкая его в грудь, отпрянула со словами:

– Хоре уже лапать меня как шлюху по заказу. Лучше бы не о щели моей думал, а мозги встряхнул.

Такая внезапная реакция немного огорчила Люсьена. Он вернулся обратно, чувствуя, как возвращается накопившаяся за день усталость и буквально рухнул на кожаное кресло с высокой спинкой, произнеся:

– Я не вижу никаких причин что-либо менять в твоём блоке.

Ивет сложила руки перед собой и рывкнула, расхаживая по кабинету как лев в клетке то в одну сторону, то в другую, щёлкая каблуками по паркету:

– Ты вообще обещал, что я получу его место к концу этого года! Что-то мне подсказывает, что ты не собираешься держать своё слово!

Люсьен с усталым видом вытер ладонями лицо и вяло проронил:

– Но дорогая, Рубен отлично делает свою работу.

– Я сделаю ещё лучше! – почти выкрикнула Ивет.

Люсьен врезал рукой по столу и крикнул:

– Довольно истерить! Я тебя что, месячные!?

Но Ивет привыкла и к такому тону, поэтому её это нисколько не напугало, а даже напротив – раззадорило. Решив поиздеваться над словами шефа, она остановилась, развернулась к нему лицом и сардонически произнесла, демонстративно проводя пальцами между ног:

– А ты отлижи и узнаешь!

Однако сарказм был не чужд и Люсьену. Он почти что подбежал к Ивет, схватил её за волосы на затылке, резким толчком прислонил к рабочему столу так сильно, что Ивет рухнула на столешницу всем туловищем и со стола полетели все бумаги.

Как и всякий скандал между любовниками этот тоже перерос в животный секс, правда поначалу происходящее скорее напоминало изнасилование или сцену из порно в духе мазохистов.

Уже лёжа на столе первые секунды после извержения, которое совершил Люсьен в глубинах кратера Ивет, он лёг на спину, а Ивет беззвучно задвигала губами, прекрасно зная, что он сейчас скажет. Но Люсьен произнёс:

– Зае*ись!

Две недели спустя.

Свой отпуск Люсьен Фарси решил начать с очередного похода в закрытый клуб оргий, расположенный в пригороде Монреаля. В первые полтора часа он открыл все прелести отборного сквернословия шести женщинам, которые затем разделили эту честь ещё с десятком мужчин, а к концу вечеринки здание покинули тридцать семь инфицированных из тридцати восьми.

Три месяца спустя.

Генеральный директор «Всемирной организации здравоохранения» во время внеочередного брифинга объявил о том, что в настоящее время мировое сообщество охвачено неким вирусом, поражающим человеческую психику в той или иной степени. В качестве симптомов наблюдается утрата способности ко лжи и склонность к частому использованию излишне экспрессивной вульгарной лексики. Было подмечено, что патология имеет подобие вируса, однако как именно этот вирус передаётся, пока не установлено, равным счётом, как и неизвестно что-либо о длительности инкубационного периода. Единственное, что было отмечено, так это то, что вирусу не подвержены дети и люди престарелого возраста. К данному моменту уже установлено, что вирус обрёл настолько серьёзные масштабы, что можно абсолютно точно утверждать – планету охватила эпидемия неизвестной заразы, которая грозит посеять хаос и насилие в современном обществе.

А пока по утреннему блоку новостей на всех каналах рассказывали про неизвестную эпидемию, шестнадцатилетний житель Бостона Квентин Борг не терял времени даром и вместо биологии на первом уроке решил погрузиться в половую биологию вместе с Деборой Рот из параллельного. Зажавшись в кабинке школьного туалета, они обменивались микробами сразу по двум направлениям одновременно. Дебора перевелась в школу недавно после того, как родители переехали из Нью-Йорка. Он не очень хорошо знал Дебору и общаться с ней было немного стрёмно из-за её склонности к откровенному, но правда очень креативному мату, но благо язык спаривания природа создала для всех один и звериная похоть разом избавляет от всех языковых барьеров. Тем более что в этом деле у Квентина был немалый опыт.

На второй урок он всё же отправился и более того, преподаватель назвал его фамилию первой, когда начал задавать вопросы.

– Итак Квентин, в чём отличие президентской республики от парламентской?

Квентин почесал затылок и сказал:

– Ну, в первом случае президент становится смотрящим, он реально заправляет делами и за общак все отвечают перед ним, ну и всё такое.

Класс заполнил смех. Преподаватель сохранил невозмутимое лицо и спросил:

– Ну допустим. А в чём особенность парламентской?

На этот вопрос Квентин ответил без промедлений:

– А при таком раскладе президент становится фраером и ничего на деле не решает, а только берёт всех на понт.

Смех в классе усилился. Преподаватель сложил пальцы в замок и поднёс к подбородку, после чего задал уточняющий вопрос:

– А перед кем тогда отчитываться за общак?

– Этот, как его – щёлкнув пальцами, начал вспоминать Квентин. – Председатель кабинета министров.

Сохранив длительную паузу, учитель добавил:

– Надо же. Такой набор слов сегодня звучит как музыка из ваших уст.

Мутация 3: за счёт заведения

Прошло одиннадцать дней с того момента, как Всемирной организацией здравоохранения было официально признано наличие вируса неизвестного происхождения, который бродит по просторам Земли. Он получил официальное название – «Серая смерть». За всё время наблюдений так и не было выявлено то, каким именно путём передаётся инфекция, что сильно затруднило деятельность органов здравоохранения по части оповещения населения в отношении профилактических мер.

И лишь несколько учёных на всей планете, включая Карла Грина, Рудольфа Кана, Форреста Мэлоуна и Альберта Фроста были посвящены в детали особенностей «серой смерти». Им были известны источник вируса, его природа, способ распространения и какие профилактические меры позволят избежать поражения психики.

Уже более двух месяцев Альберт Фрост и Карл Грин – два биолога, входившие в состав научно-исследовательской экспедиции в Антарктиде – объединили усилия и вместе трудились над разработкой антидота. Собравшись в очередной раз в лаборатории, под которую был переоборудован подвал в доме Альберта, они приступили к проверке очередного образца. А перед этим у Карла назрел вопрос, который он озвучил вслух:

– Интересное название. Любопытно, кто его придумал.

Не отрываясь от окуляров микроскопа, Альберт ответил:

– А чего тут странного. «Смерть», судя по всему, по аналогии с «чёрной смертью», а «серая» с намёком на серое вещество. Для этого у них мозгов хватает.

Альберт был инфицирован также как и Карл. Правда в их крови по счастью содержался только один штамм, который вынуждает доставать из своих шкафов все скелеты и делать это перед кем попало. Но в отличие от Карла у Альберта не было никаких домашних угроз в лице жены или детей, которые могли бы стать жертвами его патологической склонности к чрезмерной правде. В пятьдесят два года Альберт уже не задумывался о семье и полностью посвящал себя науке. Отсутствие каких-либо обязательств перед какой-нибудь женщиной и свобода в выборе половых партнёров делала его жизнь сносной. Альберт регулярно менял любовниц, стараясь не заикливаться на какой-то конкретной, как он сам говорил: «от греха подальше». Несмотря на инфицирование, по возвращении из экспедиции он не стал ограничивать себя в интимных потребностях. Но кое в чём он всё-таки изменил в своих привычках – он наотрез отказался признавать контрацептивы, и тому были конкретные причины, а точнее цели, которые Альберт преследовал. Дело в том, что его всегда одолевало неимоверное любопытство знать, какие секреты хранят люди, в чём «серая смерть» изрядно помогала. На втором сви-

дании он узнавал много интересного от своих пассий, которые рассказывали ему о том, во сколько лет и как они потеряли девственность, которая из них довольна сексом, а какая – нет. Но самое главное, что Альберт узнавал – кто замужем, а кто нет. Мысль о том, что он перепихнулся с замужней женщиной его забавляла, а порой только одна такая мысль производила на него эффект сильнее виагры. Так с момента возвращения из Антарктиды Альберт узнал, что в среднем по статистике к измене склонны больше замужних женщин, чем свободных. Из десяти вступающих в свободные половые связи женщин больше половины являются замужними. Это статистика, которую подтверждает домашний траходром Альберта Фроста. Правда он понимал, что эта его регулярная смена любовниц без применения предохранителей превращается в русскую рулетку, причём с каждой новой любовницей риски подцепить венерический сюрприз возрастают. И вот, недавно теория нашла отражение в реальности, в результате чего Альберт вынужден был обратиться в чужую клинику в качестве пациента.

Ввиду особенностей вируса, который сидел в их крови, Альберту и Карлу пришлось не по собственной воле отказаться от кредиток, что называется от греха подальше. Помимо прочего возникла практическая необходимость менять пароли от своих профилей на разных сайтах. Они создавали новый пароль, который состоял не менее чем из двадцати букв и цифр, расположенных в хаотичном порядке без какой-либо системности, чтобы было невозможно запомнить, после чего записывали пароли на листок и прятали его в надёжное место. От греха подальше. И так со всей личной информацией. Это была единственная гарантия того, что важные данные не будут озвучены в компании с теми людьми, которым знать об этом нужно в последнюю очередь.

Карлу приходилось хуже всего. Он изо всех сил сдерживал себя, чтоб не сходить налево, потому что знал, что теперь жена обо всём узнает, и что самое скверное, он сам же себя и спалит по собственной воле.

– Нус, – произнёс Альберт, после чего перекрестился и начал разбавлять образцы собственной крови с новым образцом антидота – с Богом.

Несколькими месяцами ранее.

Над Уругваем возвышалось палящее солнце, покрывая его просторы зноем. А ещё по просторам Уругвая бродила «серая смерть». Она заглядывала в квартиры, дома, номера дешёвых мотелей, подсобки, общественные туалеты и задние сидения автомобилей. Житель Монтевидео Рамон Моралес твёрдо верил, что прошлую ночь он никогда не забудет. Он бы никогда не поверил, что матерящаяся в постели женщина может так сильно его возбуждать. Рамон редко следил за новостями, равно как и раздвинувшая перед ним ноги Паулина. Да и по местным массмедиа о «серой смерти» мало что рассказывали, так как в Южной Америке она только набирала обороты. Поэтому Рамон даже и не подозревал, что он уже одиннадцать часов носил в собственной крови новую мутацию «серой смерти».

Получив диплом экономиста, Рамон Моралес ценой невероятных усилий взял под залог немалый кредит и занялся разведением скота в масштабах целой фермы. Отбив первый кредит, он взял весь имеющийся капитал, оформил ещё один кредит и купил всё необходимое оборудование, создав собственную компанию по переработке мусора. Старания и риски не оказались напрасными, так как через полгода существования фирма Рамона поставляла экологически чистое сырьё в сорок одну компанию на территории Уругвая, Бразилии, Аргентины и Парагвая, а спустя ещё год и семь месяцев Рамон открыл новый цех по производству пластиковой и картонной тары. Рентабельность оказалась сумасшедшая и теперь его капитал состоял из сельскохозяйственной компании, мусороперерабатывающего завода с вторичным производством тары, два рыболовецких судна, один ресторан и сеть пиццерий из двухсот двадцати пяти торговых точек на территории Уругвая. За последние два года Рамон приобрёл два с половиной процента акций страховой компании, зарегистрированной в Сингапуре и контрольный

пакет акций завода по производству кисломолочных продуктов в Манаусе. В тридцать два года Рамон был обладателем четырёхкомнатной квартиры в центре столицы и загородного особняка с жилой площадью в триста семнадцать квадратов. Автопарк насчитывал две машины бизнес-класса, два джипа, три спорткара и один гиперкар. Но главной гордостью Рамона была Пенелопа. Её соблазнительные изгибы и грациозные формы не поддавались никаким описаниям. Справедливости ради стоит отметить, что Пенелопа не могла не выглядеть сногсшибательно, ведь Рамон вложил в её внешность астрономические бабки. Он демонстративно перед всеми хвастался тем, что имеет её. Но больше всего он восторгался её красными как вишня и выпуклыми как арбузы парусами. Палуба была столь просторной, что можно было устраивать настоящую вакханалию. Длина Пенелопы составляла тридцать два метра, о чём часто в присутствии гостей упоминал Рамон, добавляя при этом:

– Кто после этого скажет, что размер не имеет значения?

Весь выходной Рамон провёл в своём особняке и поздним вечером решил развеяться. Он уселся в свой чёрный «бугатти», вдавил педаль в пол и ощутил весь кайф вечернего ветерка, врывающегося через окно. Лишь оказавшись в центре города, Рамон обнаружил, что он не взял с собой сигареты и припарковался возле ближайшего магазина.

Это был обыкновенный ничем не выделяющийся на фоне других супермаркет. Но Рамону так не показалось. Он бродил между рядами и испытывал странное ощущение. Он посмотрел на сковороду с антипригарным покрытием и испытал чрезвычайно сильное желание. Через секунду его взгляд замер на ковше из хромированной стали и подумал, что он не может жить без этого ковша. Пройдя через два ряда, Рамон задался вопросом, с каких это пор он начал тащиться от муки высшего сорта. Он не понимал, почему его так притягивает килограммовая пачка сахарной пудры, но в этот момент он не представлял своей жизни без неё. На какой бы товар он не взглянул, всюду его одолевала тяга овладеть этой вещью.

Но до кассы Рамон дошёл лишь с пачкой сигарет в руках. Он оплатил покупку и встал в паре метров от кассы. Он продолжал стоять до тех пор, пока девушка в соседней очереди не оплатила покупку, после чего направилась к выходу. Рамон тронулся почти вровень с ней, но с небольшим запозданием в доли секунды. Когда девушка миновала антенны, фиксирующие неоплаченные товары, датчики сработали незамедлительно. Тут же следом за ней мимо антенн нырнул и Рамон. Он изо всех сил старался сохранять невозмутимый вид, а оказавшись на улице, его не покидали мысли о том, как долго охранники будут искать жвачку, которую он подбросил девушке в сумочку пока заговаривал ей зубы в отделе бакалеи.

Рамон уселся за руль и начал опустошать свои карманы. Среди награбленного были два шоколадных батончика, шариковая ручка, ластик, спиннер, две батарейки, мини-банан и пачка презервативов. Да, он мог бы за всё это заплатить в тысячекратном размере. Но ему было хорошо от той мысли, что он обладает этим именно по той причине, что за это не пришлось платить. Рамон не мог нарадоваться своему успеху и отправился в ночной клуб, куда он уже опаздывал. Благо в ночном клубе нет никаких датчиков, поэтому забрать со стола рюмку и вынести из здания для Рамона особых проблем не представляло. Домой Рамон ехал в компании Мануэллы.

Мануэлле было ровно тридцать с двухнедельным хвостиком. Она проработала юристом в компании Рамона три с половиной года, после чего ушла в декрет. Несмотря на возраст, в правовых вопросах Мануэлла была как рыба в воде, включая международное право. Этому обстоятельству Рамон придавал особое значение, так как он изначально хотел сформировать квалифицированный персонал, но чтобы все должности занимали сотрудники как можно моложе. Он был твёрдо убеждён, что молодые специалисты куда более прорывные и преисполнены свежих взглядов и идей. Мануэлла была одной из таких и её квалификация не вызывала никаких сомнений. К тому же она всегда покидала офис намного позже конца рабочего дня. Правда Рамон не знал об одной детали, а именно, что Мануэлле так засасывала работа, что она крайне

редко посматривала на часы, а об окончании рабочего дня она чаще всего узнавала по наступающим сумеркам, когда ненароком смотрела в окно, копаясь в документах. На днях стало известно, что тот, кто её обрюхатил, взял свои слова обратно и не планирует давать обещания в духе «пока смерть не разлучит нас». Ввиду таких обстоятельств ей пришлось вернуться на ПМЖ к родителям. Для самой Мануэллы вся эта история оказалась скверной лишь из-за того, что этот кобель обещал ей кольцо на пальце когда родится ребёнок, чтобы пережить двойную радость, а как только роды состоялись, спустя месяц вместо кольца на пальце Мануэлла получила просто палец.

Вечером она оставила ребёнка родителям и отправилась в клуб, что стало для неё большой психологической разгрузкой после того, как она долгое время была ограничена в личной свободе ввиду беременности. Встретившись с Рамонем в клубе, она попросила взять её раньше срока, о котором был уговор. Так она надеялась отвлечься от нахлынувшей хандры. Рамон охотно согласился, после чего у него возникло ощущение, что Мануэлла заметно перебрала, хотя и выпила она недостаточно для того, чтобы потерять трезвый ум. Но такие мысли у Рамона возникали, потому что пока его руки держали руль, её рука легла на его пах.

– Эй, ты чего?

Мануэлла откинула голову на спинку сидения и издала негромкий, но очень звонкий смех, который в её слегка поддатом состоянии немного походил на злорадный. Она ответила:

– Как? Хочу тебя отблагодарить – с этими словами Мануэлла продолжила гладить рукой у Рамона между ног.

Сам Рамон не до конца понимал, как ему реагировать на происходящее. Ему нравилась Мануэлла как женщина с первого дня, но ему всегда удавалось держать их отношения в рамках служебных или даже дружеских, но дальше дело никогда не заходило. Он старался напоминать себе о том, что она выпила и сейчас навеселе, а наутро, когда протрезвеет, может дать своим действиям совсем другую оценку. Справедливости ради стоит отметить, что сам Рамон тоже отнюдь не воздерживался от спиртного в клубе, так что настроение у них было приподнятое в равной степени и мысли о служебной этике не смогли удержаться в его мозгу дольше, чем на пару минут.

Он заметил, что с момента их последней встречи её грудь заметно выросла. Об этом говорили и бугорки, которые выпирали над декольте тёмно-синего платья, и особенно сильный эффект они оказывали, когда Мануэлла вдыхала полной грудью.

– Так куда сейчас сворачивать? – задумчивым тоном спросил Рамон, продолжая мимоходом поглядывать на её грудь.

– Откуда мне знать где ты живёшь – томно проронила Мануэлла, расправляя свои длинные чёрные волосы.

Её рука на паху Рамона стала работать настолько активнее, что в один момент его нога рефлекторно вздрогнула и вдавила педаль газа чуть глубже, после чего стрелка на спидометре подскочила аж до ста сорока пяти километров. По счастью ближайший автомобиль находился на такой дистанции, что его фары едва просматривались в виде слабых крошечных красных огоньков.

Превозмогая порыв небывалой похоти и вожделения грядущих потрясений на простынях, Рамону всё же удалось сквозь ночной мрак доехать до дома без происшествий, обезопасив свой гиперкар от повреждений, которые он мог нанести в состоянии сексуального опьянения. А вот что касается опьянения классического, то алкоголь оказал исключительно положительное воздействие, так как он лишь помог обоим расслабиться в достаточной степени, чтобы спокойно приступить к недетскому занятию, от которого дети просто возникают.

Как и следовало ожидать, холмы и бугры Мануэллы обеспечили потрясения, причём порою в буквальном смысле, когда Рамон от души шлёпал по ягодичам, либо грудь Мануэлы стремилась в лобовое столкновение с его лицом. Процесс превзошёл все ожидания. Её нагота

оказалась намного привлекательнее, чем мог представить себе Рамон, а её стоны и извивающиеся движения рождали в голове самые порочные образы, о которых стыдно говорить даже в обществе отъявленных извращенцев.

Очнувшись ближе к полудню, Мануэлла чувствовала себя превосходно. Она пребывала в здравом уме и прекрасно помнила всё, что происходило с ней в этой самой комнате. И от этого ей на душе становилось лишь теплее. От нахлынувшей депрессии не осталось и следа, как и воспоминаний об отце её ребёнка. Со стороны могло показаться, что Мануэлла просто как следует потрахалась и поэтому хорошенько прочистила мозги от лишних мыслей. Но это было не совсем так. Её настроение было на подъёме, но она испытывала какое-то странное ощущение. Мануэлла понимала, что ей всё равно чего-то не хватало, и чем тщательнее она оглядывала спальню Рамона, тем сильнее становилось это чувство. Пока она подтягивалась, разразившись широкой улыбкой, Рамон всё ещё спал. Мануэлла решила не будить его и заказала такси. Но перед этим положила глаз на бритвенный станок в ванной комнате, статуэтку в форме ангелочка в гостиной, перочинный нож на кухне и крем для обуви в прихожей. Уместив это всё в своей сумочке, Мануэлла отправилась домой, испытывая чувство, близкое к какому-то нездоровому экстазу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.